

ХРОНИКИ ЗАБЫТЫХ ФОНАРЕЙ

ХРОНИКИ ЗАБЫТЫХ ФОНАРЕЙ. ПОСЛЕДНИЙ СВЕТ

АЛЁНА СЕВЕРИНА

Алёна Северина

**Хроники забытых
фонарей. Последний свет**

«Автор»

2026

Северина А.

Хроники забытых фонарей. Последний свет / А. Северина —
«Автор», 2026

В городе Североград героиня Ася Лесина сталкивается с старой семейной договорной магии. Ей помогает и одновременно препятствует Никита Северин. Главный объект этой книги: «Хроники забытых фонарей. Последний свет». Центральный вопрос: позволительно ли использовать чужое согласие ради общей безопасности?

© Северина А., 2026

© Автор, 2026

Алёна Северина

Хроники забытых фонарей. Последний свет

Глава 1. Наследство или письмо

К письму прилагался ключ.

Ася нашла его не сразу: он лежал между двумя листами промокательной бумаги, плоский, потемневший, с короткой бородкой, похожей на ряд неровных зубов. На кольце болталась жестяная бирка без надписи. Ключ был слишком маленьким для дверного замка и слишком тяжёлым для шкатулки.

Она разложила бумаги на кухонном столе, прижала угол письма стеклянным прессом и ещё раз посмотрела на конверт. На нём стояло её имя, написанное чернилами, которые расплылись от времени, но не от дождя. Почтового штампея не было. Только семейная печать на обороте — тёмный воск, продавленный знаком, который Ася видела уже однажды, на копии договора о продаже дома своей прабабушки.

Тогда она решила, что это просто старый герб.

Теперь решение казалось поспешным.

В дверь постучали два раза, выдержали паузу и постучали ещё раз.

— Открыто, — сказала Ася.

Никита вошёл, стряхивая с плеч мелкий снег. Его тёмное пальто пахло улицей, мокрой шерстью и холодным железом. В одной руке он держал бумажный пакет, в другой — папку, зажатую под мышкой.

— Я принёс выписки, — сказал он. — И булочки. Выписки могут оказаться бесполезными, а булочки — нет.

— Ты считаешь, что я стану обсуждать семейную магию на голодный желудок?

— Я считаю, что ты способна обсуждать её на голодный желудок, но после этого начнёшь спорить с документами.

— Я и так буду спорить.

— Тогда хотя бы с сахаром в крови.

Ася взяла пакет, но на стол не поставила.

— Откуда ты знаешь, что я получила письмо?

— Не знаю. Я знаю, что сегодня утром в архиве Северограда кто-то запросил дело Лесиной семьи, а потом отменил запрос.

— Кто?

— Вот это я и пытаюсь выяснить.

Никита положил папку рядом с конвертом, однако не открыл её. Сначала заметил ключ.

Его лицо изменилось едва заметно: исчезла привычная насмешливая складка у рта, взгляд стал внимательнее.

— Где ты его взяла?

— В письме.

— Не трогай печать.

— Печать я уже трогала. Она не кусается.

— Я не об этом.

Он протянул руку, но остановился, не коснувшись ключа.

— В нашей семье, — сказал Никита, — такие ключи клали к договорам, которые нельзя было исполнить в одиночку.

— В вашей семье?

— Северинской.

— А письмо адресовано мне.

— Поэтому я и пришёл.

Ася развернула лист. Бумага была плотной, с сероватой каймой, будто её когда-то держали над коптящей лампой.

«Ася Лесина.

Если это письмо дошло до тебя, значит, городской архив снова открылся не тому человеку.

Последний фонарь не погас. Его вынесли.

Ищи не светильник, а запись о том, кому он был обещан.

Не позволяй Северину подписывать за тебя.

М. Лесина».

Подпись обрывалась короткой чертой. Ни даты, ни адреса отправителя.

Никита прочитал письмо молча. Потом сел, не снимая перчаток.

— М. Лесина — Марта?

— Других М. Лесиных в ближайшем поколении я не знаю.

— Марта умерла три года назад.

— Значит, письмо старое.

— Оно не может быть старше четырёх лет, — сказал Никита. — Такой состав чернил начали продавать после реконструкции городской канцелярии.

Ася посмотрела на него.

— Ты разбираешься в чернилах?

— Я разбираюсь в том, как люди подделывают документы.

В его голосе прозвучала тяжесть, которую он не стал объяснять. Ася знала: у Никиты была собственная ошибка в прошлом, связанная с чужой подписью и слишком удобным решением. Он никогда не оправдывался, но и не позволял забыть, что цена ошибок бывает не бумажной.

— Здесь написано, что в архиве открыли дело не тому человеку, — сказала она. — Какое дело?

— «Хроники забытых фонарей». Последняя из известных тетрадей — четвёртая из пяти.

— Я думала, это название серии семейных записей.

— Так и есть. Но четвёртая тетрадь хранится в городском архиве. Первая, вторая и третья находятся у владельцев по наследственным линиям. Пятую никто не видел.

— А последняя?

— Четвёртая называется «Последний свет».

На кухне стало тихо. За окном проехала телега, колёса прошуршали по снежной каше. Где-то в соседнем доме звякнула посуда.

Ася вновь взяла ключ.

— Что он открывает?

— Не знаю.

— Тогда выясним.

— Не так быстро.

— Именно так быстро. Если кто-то уже запрашивал дело, у нас нет времени ждать, пока он пришлёт второе письмо.

Никита раскрыл папку. Внутри лежала копия архивного журнала, две служебные записки и лист с отметкой о выдаче.

— Дело запросила Вера Корнилова, заместитель заведующей архивом. Но подпись в журнале не её.

— Подделка?

— Похоже. Однако охрана утверждает, что она сама пришла в хранилище.

— А ты?

— Я пришёл туда через двадцать минут. Вера была в подвале.

Ася быстро пробежала глазами строки.

— Что значит «была»?

Никита задержал взгляд на последнем листе.

— Она потеряла сознание у стеллажа с семейными фондами. Её нашли утром. Сейчас она в больнице.

— Почему ты не сказал сразу?

— Потому что пока неизвестно, случилось ли с ней что-то из-за договора или из-за обычной человеческой подлости.

Ася резко положила лист на стол.

— В письме сказано: последний фонарь вынесли. Это не метафора?

— В архивном описании значится металлический футляр. Он находился внутри тетради.

— И его нет?

— Нет ни футляра, ни самой тетради.

— Но дело запросили.

— Запросили обложку.

Ася нахмурилась.

— Объясни.

Никита достал из папки фотографию. На ней были видны полки архивного шкафа, бирки, корешки папок. Один корешок лежал отдельно, прислонённый к стенке. На нём читалось: «Хроники забытых фонарей. Последний свет».

— Книга вырвана из переплёта, — сказал Никита. — Обложку оставили, чтобы запись в каталоге не вызвала тревоги.

— А металлический футляр?

— Вера утверждает, что он был в тетради. Перед тем как потерять сознание, она сказала одну фразу.

— Какую?

Никита посмотрел на письмо.

— «Я согласилась, но не на это».

У Аси похолодели пальцы.

— Она подписала выдачу?

— Нет. Она дала согласие открыть семейный фонд.

— Кто попросил?

— Пока не знаю.

— А ты?

— А я знаю, что если договор требует согласия хранителя, кто-то мог использовать её согласие для другого действия.

Ася медленно поднялась. Ключ на столе качнулся и звякнул о стеклянный пресс.

— Мы едем в архив.

— В больницу сначала.

— Почему?

— Потому что Вера — первый человек, который пострадал. И если она пришла в себя, её показания важнее старого письма.

Ася посмотрела на прижатый лист, на неразборчивую подпись Марты, на ключ, который выглядел самым обычным предметом в комнате. Потом убрала письмо в папку и застегнула пальто.

— Хорошо, — сказала она. — Но документы остаются у меня.

— Я не собирался забирать их.

— В письме меня предупредили именно об этом.

— В письме тебя предупредили обо мне, — ответил Никита. — Это не одно и то же.

Он взял ключ, завернул его в чистый лист бумаги и протянул ей.

Ася не сразу приняла свёрток. Затем забрала его сама, не позволив Никите вложить его в свою ладонь.

За дверью уже темнел ранний североградский вечер, и в окнах напротив зажигались лампы — одна за другой, без обещаний, что хоть какая-нибудь из них продержится до утра.

В больнице пахло мокрой шерстью, лекарствами и чем-то сладким, будто в соседнем отделении всю ночь варили компот. Ася сняла перчатки у входа и сунула их в карман пальто. Свёрток с ключом лежал во внутреннем кармане; бумага не шуршала, но она всё равно чувствовала его вес.

Никита шёл рядом, не пытаясь взять у неё папку. Это молчаливое соблюдение обещания почему-то раздражало сильнее, чем если бы он снова начал спорить.

У поста дежурная сверилась с журналом и указала на коридор.

— Вера Михайловна в палате, но недолго. Врач просил не утомлять. Она сама настояла, чтобы её не переводили в общую.

— Мы только спросим, что произошло, — сказала Ася.

— Все так говорят, — ответила дежурная и посмотрела на Никиту. — Особенно те, кто приносит с собой папки.

Он не стал оправдываться. Ася постучала и дождалась тихого «войдите».

Вера лежала поверх одеяла, бледная, с тёмными кругами под глазами. На тумбочке стоял стакан воды, рядом — телефон с треснувшим углом, подключённый к зарядке. Она повернула голову к ним, задержала взгляд на Никите и отвела его к Асе.

— Вы из архива? — спросила она.

— Нет. Ася Лесина. Я получила письмо Марты Лесиной и нашла ключ, который, кажется, связан с вашим фондом.

Вера напряглась.

— Ключ у вас?

— Да. Но я не буду его показывать, пока не пойму, что именно произошло.

— Правильно, — сказала Вера. — Мне уже хватило людей, которые сначала что-то открывают, а потом спрашивают, имела ли я это в виду.

Никита опустился на стул у двери. Не рядом с кроватью — будто заранее оставлял Вере пространство.

Ася положила папку на колени.

— Вы согласились открыть семейный фонд?

— Я согласилась присутствовать при осмотре. Сотрудник отдела учёта сообщил, что нужно сверить опись с приложением к старому договору. Мне сказали: ничего не вынимать, только посмотреть и зафиксировать расхождения. Я подписала допуск в хранилище. Не выдачу.

— Кто сообщил?

Вера помедлила.

— Павел Громов. Он ведёт заявки по старым фондам.

Никита поднял голову.

— Громов был там в тот вечер?

— Сказал, что задержится после закрытия, чтобы подготовить акт. Я ушла раньше. Он уверял, что останется только в читальном зале.

— А кто был в хранилище, когда вы вернулись? — спросила Ася.

— Никого. Дверь была прикрыта. На столе лежал лист с моим согласием. Я увидела, что в нём написано не то, что подписывала. Там было разрешение на временное перемещение тетради и футляра.

Вера закрыла глаза, словно снова увидела этот лист.

— Я пошла к шкафу. Тетради уже не было. Только обложка. Я позвонила Громову, но он не ответил. Потом заметила, что на двери висит моя бирка допуска. Кто-то оставил её снаружи, чтобы казалось, будто я сама закрывала хранилище.

— Вы прикоснулись к обложке? — спросил Никита.

— Нет. Я не успела. В тот момент мне стало трудно дышать. Сначала решила, что пыль. Потом ноги перестали держать.

— Вы помните, что было перед этим? Запах, звук, прикосновение?

— Чернила. Свежие. И звон металла.

Ася посмотрела на Никиту. Он не подал знака и не стал отвечать за Веру.

— Вы думаете, это был футляр? — спросила она.

— Я не знаю. Я слышала один удар, короткий. Потом ещё один, уже будто издалека. А дальше ничего.

— Врачи нашли причину обморока?

— Сильная реакция на дым. В коридоре хранилища нашли чашку с тлеющим фитилём. Никакой магии, если вы об этом. Врач сказал, такое бывает от едкого состава.

Никита побледнел.

— Ты знал про чашку?

— Нет.

— Но ты был в архиве после меня.

— Через двадцать минут. Я искал тебя, Вера. Не видел чашки.

Ася перевела взгляд с одного на другую.

— В письме сказано, что вынесли последний фонарь. Что это означает для человека, который не знает семейных договоров?

Вера усмехнулась без веселья.

— Что кто-то вырвал из тетради металлическую вещь и оставил название на обложке, чтобы мы спорили о красивых словах. А на деле подделал мой допуск и устроил так, чтобы я не смогла сразу сообщить о пропаже.

— Почему вы не позвонили в полицию?

— Позвонила. Дежурный принял заявление, но без перечня утраченного и без акта доступа они не могут объявить предмет похищенным. Я составила список на телефоне, но он разрядился.

Ася раскрыла папку и вынула фотографию с корешком. Вера посмотрела на снимок.

— Это сделано до того вечера, — сказала она. — Обложка тогда ещё была на месте. Посмотрите на нижний край.

Ася придвинула фотографию к лампе. Под корешком виднелась узкая светлая полоса, похожая на след от снятой наклейки.

— Там была инвентарная отметка?

— Не на самой книге. На футляре. Бумажная полоска с номером. Я сверяла её весной.

— Вы помните номер?

Вера приподнялась на локте, поморщилась и попросила телефон. Ася помогла ей открыть закладки. Экран мигнул; запись сохранилась в облаке.

— Вот, — сказала Вера. — Номер фонда, дата проверки и вес футляра. Я записывала всё, потому что прежняя опись расходилась с реальностью на двести граммов.

Ася прочла вслух номер и внесла его в блокнот.

— Это уже можно приложить к заявлению.

— И приложите, — сказала Вера. — Но не отдавайте оригинал записи архиву. Я не доверяю внутренней проверке.

Никита впервые за разговор подался вперёд.

— Громов имел доступ к журналу заявок. Если его имя стоит в системе, это ещё не доказывает, что он был в хранилище.

— Зато есть поддельный текст моего согласия, чашка с фитилём и запись о футляре, — ответила Вера. — Я не прошу вас назначить виновного. Я прошу не позволить назвать это моим недоразумением.

Ася закрыла блокнот.

— Не позволю.

Вера посмотрела на неё пристально, проверяя, не скрывается ли за обещанием привычное желание успокоить.

— Вы не знаете, что за вещь была в футляре.

— Нет. И не буду говорить, что знаю.

— Хорошо. Тогда у вас больше шансов найти её, чем у тех, кто уже решил, что она должна делать.

Когда они вышли в коридор, Никита остановился у окна. За стеклом мокрый снег оседал на карнизе и тут же таял.

— Она назвала Громова, — сказал он.

— Назвала человека, который оформлял заявку. Это факт, не вывод.

— Я знаю.

— Тогда почему ты выглядишь так, будто уже готов защищать его?

— Потому что я однажды решил, что достаточно знать человека, чтобы понимать, что он способен сделать. Это не помогло никому.

Ася не спросила, о каком именно случае он говорил. Пока не было ясно, что из его прошлого относится к сегодняшнему делу, а что он просто поставил между ними, чтобы не отвечать.

Она вынула свёрток из кармана и проверила, не промокла ли бумага. Никита смотрел на ключ, но не потянулся к нему.

— В архиве сначала запросим журнал допуска, — сказала Ася. — Потом копию заявки Громова и акт выдачи. Если есть подмена, она должна оставить след не только в рассказе Веры.

— А если журнал уже исправили?

— Тогда сравним с резервной копией и дежурными записями. Не будем открывать шкаф, пока не зафиксируем состояние двери и замка.

Никита кивнул.

— Ты мне не доверяешь.

— Я пока не решила, чему именно доверять. Это разные вещи.

На лице у него мелькнула усталость, но он принял ответ без спора. Они пошли к лестнице: в приёмном покое дежурная звонила кому-то и требовала назвать точное время вызова, а за окном фонари размывались в мокром стекле. Теперь у Аси были имя, номер фонда и первое свидетельство о поддельном согласии — достаточно, чтобы начать проверку, но не достаточно, чтобы обвинить человека.

Североградский архив занимал два этажа бывшей городской управы. На первом хранились бумаги, которые ещё можно было найти по фамилии; на втором — те, для которых требовались номер фонда, точная дата и терпение. Ася знала это не понаслышке. Она поднималась по лестнице, придерживая папку с копиями, и считала ступени, чтобы не думать о Вере и о том, как легко чужое «согласна» превращается в строку, которую никто не станет перепроверять.

В читальном зале пахло мокрой шерстью и старой бумагой. За стойкой сидел дежурный архивист в жилете, застёгнутом не на ту пуговицу. Ася назвала номер фонда, попросила журнал допуска и резервную копию за нужный день. Мужчина посмотрел на неё поверх очков.

— Резервную копию посетителям не выдают.

— Я не прошу выдать. Прошу сверить запись в установленном порядке. Есть основание полагать, что заявку оформили от имени человека, который её не подавал.

Она положила на стойку заявление Веры и собственную запись с номером журнала. Архивист прочитал первую страницу, задержался на подписи, потом посмотрел на Никиту.

— Вы из городской службы?

— Нет, — ответил тот. — Поэтому я не буду просить вас сделать исключение.

Ася едва заметно повернула голову. Хорошо, что он не стал предъявлять знакомство или давить должностью, которой у него не было. Но сам факт, что она отметила это, ей не понравился.

Архивист снял очки и протёр их краем жилета.

— Журнал допуска можно поднять. Сверка с резервом — через заведующую. Она сейчас в хранилище.

— Мы подождём, — сказала Ася.

— Здесь нельзя ждать у стойки.

— Тогда подождём в читальном зале.

Он указал на свободный стол, и Ася выбрала место у стены, откуда была видна дверь. Никита сел напротив, не снимая пальто. Между ними лежали заявление Веры, блокнот Аси и ключ от футляра, завернутый в бумагу. Пока она не решила, кому его показывать и когда. Вещь была маленькая, но любой неосторожный жест мог превратить её в доказательство, которого никто не просил.

— Ты всегда так смотришь на дверь? — спросил Никита.

— Только когда не знаю, кто войдёт.

— А если знаешь?

— Тогда смотрю на руки.

Он опустил взгляд на свои ладони. На правом большом пальце белел тонкий шрам, почти скрытый сгибом.

— Я не собираюсь ничего брать, — сказал он.

— Я не говорила, что собираешься.

— Но подумала.

Ася закрыла блокнот. Она могла бы ответить, что его слова ничего не меняют, однако это было бы неправдой. То, что он сам заметил её осторожность и не стал требовать доверия, имело значение. Не доказательство невинности, но поступок, который она могла учесть.

— Я думаю, что мы пока не знаем, кому можно передать ключ, — сказала она. — Это не то же самое.

Никита кивнул. В этот раз не стал спорить.

Заведующая архивом появилась через десять минут. Её звали Марина Павловна; на шее у неё висела связка ключей, а на рукаве прилипла бумажная пыль. Она внимательно изучила заявление Веры и попросила показать номер журнала. Ася развернула блокнот на нужной странице, прикрыв ладонью остальные записи.

— Оригинал останется у вас? — спросила заведующая.

— Да.

— Разумно. Мы поднимем журнал за день выдачи и лист сверки с резервной копией. Но сначала мне нужно понять, что именно разошлось.

— В записи стоит заявка от имени Веры Корниловой, — сказала Ася. — Вера утверждает, что согласия не давала. Ей предъявили текст, который, по её словам, не соответствует её

подписи и формулировкам. В тот же день в хранилище выдали футляр. Мы хотим проверить, кто оформлял допуск и кто расписался за получение.

Марина Павловна посмотрела на Никиту.

— А вы?

— Я свидетель разговора с Верой. Больше ничего утверждать не могу.

— Хорошо. Свидетель — это лучше, чем ещё один человек с готовым выводом.

Она забрала заявление и провела их в служебную комнату. На столе уже лежала толстая книга с зелёным корешком. Архивист принес её из соседнего помещения и остался у двери, будто опасался, что кто-нибудь начнёт листать без разрешения.

Марина Павловна открыла журнал на заложенной полоске бумаги. В нужной строке значились дата, номер заявки и фамилия Громова. Ниже стояла отметка о выдаче футляра. Подпись за получение выглядела короткой и угловатой.

— Это Громов? — спросила Ася.

— В журнале указано его имя. Подпись мы пока не сравниваем, — ответила заведующая. — Сначала резерв.

Она достала из металлического шкафа коробку с архивными листами. На каждом листе были напечатаны дата выгрузки, номер системы и контрольная сумма. Ася сверила дату, затем номер журнала. Совпадали. Марина Павловна положила лист рядом с книгой и провела пальцем по строкам.

— Здесь ошибка, — сказала она.

Ася наклонилась. В распечатке после номера заявки шли две фамилии: Громов и Селёзнева. В бумажном журнале фамилии Селёзневой не было.

— Это дежурный регистратор? — спросила Ася.

— Была. Она ушла на пенсию весной. Второй человек в заявке обычно подтверждает передачу предмета, если его забирают из закрытого сектора.

— То есть заявка была не только от Громова?

— По резервной копии — нет.

Никита подошёл ближе, но не коснулся листа.

— Можно узнать, кто удалил фамилию из журнала?

— Электронная правка сохраняется отдельно. Бумажную книгу могли исправить только по акту. Если акта нет, это уже нарушение.

Марина Павловна открыла внутренний реестр корректировок. Несколько минут она вводила номер, сверяла даты и перечитывала строки, не позволяя себе торопиться. Ася ждала, чувствуя, как под пальцами собирается бумажный край заявления. Не хватало ещё одного неверного шага — и подмена снова превратилась бы в догадку.

— Корректировки нет, — сказала заведующая. — Фамилию вычеркнули вручную. Но следы снятия копии остались. Я вызову хранителя, чтобы он составил акт осмотра страницы.

— Не сейчас, — возразила Ася. — Сначала зафиксируйте, что мы увидели. Без объяснений, кто и зачем это сделал.

Марина Павловна задержала на ней взгляд, затем согласилась:

— Верно. Я оформлю акт при вас. Вы получите заверенную копию, когда его зарегистрируют.

Архивист уже потянулся за телефоном, но Никита остановил его жестом.

— И ещё нужно сохранить журналы входа в хранилище за тот день, — сказал он. — Пока срок хранения не истёк.

— Не нужно учить меня моей работе, — резко ответила Марина Павловна.

— Я не учу. Я говорю, что искать следует не только заявку.

Ася посмотрела на него. Впервые с начала проверки его слова не звучали как попытка направить её к удобному выводу. Он назвал конкретный документ, который мог исчезнуть, и не потребовал верить ему.

— Внесите это в акт как отдельную просьбу, — сказала она. — Не как установленный факт.

Заведующая поджала губы, но записала.

Когда они вышли из служебной комнаты, в зале уже погасили половину ламп. Ася убрала заверенную копию в папку, отдельно от заявления Веры. На ней теперь были две фамилии, одну из которых удалили без акта. Это ещё не доказывало, что Громов подделал согласие, но доказывало, что бумажный журнал изменили после резервного сохранения.

У лестницы Никита задержался.

— Селёзнева может знать, кто забрал футляр, — сказал он.

— Может. Но сначала найдём её официальные контакты и запросим объяснение. Не будем идти к ней домой с версией, которую только что увидели.

— Согласен.

Ася сжала папку под локтем. За стеклянной дверью мокрый снег снова пошёл гуще, и уличные фонари расплывались в белых хлопьях.

— Я думала, сегодня мы только подтвердим, что Вера не ошиблась, — сказала она.

— А теперь?

— Теперь у нас есть доказательство, что кто-то изменил журнал. И фамилия человека, который стоял в заявке до того, как её убрали.

Никита посмотрел на копию, потом на ключ, всё ещё завёрнутый в бумагу.

— Значит, футляр забрали не так, как записано.

— Значит, запись не полная, — поправила Ася. — Остальное выясним отдельно.

Они вышли на улицу, и Ася впервые за день убрала блокнот в сумку. Дело перестало быть только рассказом Веры: подмена оставила след на бумаге, и теперь у этого следа было имя.

Снег облепил рукава, пока они дошли до остановки. Ася не стала раскрывать папку на ветру. Она держала её под пальто, прижимая к боку, а в другой руке несла бумажный свёрток с ключом. Тот казался слишком лёгким для вещи, из-за которой люди столько лет меняли записи и говорили о ней шёпотом.

Автобус задерживался. Никита стоял рядом, не предлагая ни отвезти её, ни проводить до дома. После сегодняшнего дня Ася ценила именно это: он оставлял ей право самой решить, что ей нужно.

— Селёзневу будем искать через архив? — спросил он.

— Через архив и через официальный запрос. Если она откажется отвечать, это тоже будет зафиксировано. Но сначала надо понять, что именно мы у неё спрашиваем.

— Кто забрал футляр.

— И когда. И кто видел, что он был в футляре.

Никита отвёл взгляд к дороге. Снег цеплялся за его ресницы и таял на воротнике.

— Ты думаешь, футляр всё ещё у неё?

— Я думаю, что мы пока не знаем.

Он кивнул. Раньше, заметила Ася, он наверняка назвал бы вероятное место, а потом повёл бы её туда. Теперь он не подменял неизвестность удобной уверенностью.

Автобус подошёл, обдав остановку тёплым паром. Ася поднялась по ступенькам первой.

— Завтра я сама позвоню в архив, — сказала она, уже у валидатора. — Не надо ждать меня у входа.

— Понял.

Никита не стал просить объяснений. Двери закрылись между ними, и в мутном стекле на секунду отразились две фигуры — каждая на своей стороне.

Дома Ася не включила верхний свет. Поставила чайник, сняла пальто и разложила на кухонном столе копии документов. Бумажный свёрток положила отдельно, на чистую салфетку. Ключ был старый, с короткой бородкой и круглой головкой. Не похожий на ключ от двери — скорее от ящика или маленького замка. На кольце под слоем потемневшего металла читались три буквы: «С.Ф.Л.»

Она записала описание в блокнот, не пытаясь угадать расшифровку.

В папке лежало заявление Веры, заверенная копия журнала и её собственные пометки. Ася сравнила даты ещё раз. В заявке на выдачу футляра стояла фамилия Громова; фамилию Селёзневой убрали вручную, но след копии показывал, что прежде она там была. Если Селёзнева действительно забрала футляр, это ещё не означало, что она действовала по собственной воле. В старых договорах согласие часто выглядело убедительно — пока не спрашивали, кто именно предложил его цену.

Телефон завибрировал у чашки. Сообщение пришло от Никиты.

«Нашёл общий адрес бывших сотрудников архива. Селёзнева там не указана. Не буду писать ей сам. Завтра передам тебе ссылку на официальный реестр».

Ася перечитала сообщение и набрала: «Хорошо. Не связывайся с ней без моего согласия».

Ответ пришёл не сразу.

«Не буду».

Она положила телефон экраном вниз. Это не было примирением и не отменяло его прежней ошибки. Но сегодня он услышал границу и не попытался превратить её в препятствие, которое можно обойти.

На следующий день в архиве Марина Павловна встретила Асю у стойки регистрации.

— Вы просили не связываться с Селёзневой без официального основания, — сказала заведующая. — Я подготовила запрос о подтверждении выдачи и сохранении сопутствующих документов. Подпишите как заявитель по делу Веры.

— Только то, что относится к её заявлению, — уточнила Ася. — Никаких требований объяснить семейные обстоятельства.

— Именно так и составлено.

Они проверили каждую формулировку. В запрос внесли дату выдачи, номер записи, фамилии сотрудников, имевших доступ к хранилищу, и просьбу сохранить журнал входа. Марина Павловна поставила подпись и печать. Ася забрала копию с входящим номером.

— Теперь ждём ответа? — спросил Никита, когда она вышла в коридор.

— Теперь отправляем запрос и параллельно ищем, кто ещё мог видеть футляр. Ждать — не значит ничего не делать.

Он не спорил. В читальном зале они попросили опись прежних поступлений семьи Севериновых и Лесиных. Марина Павловна принесла два регистрационных журнала, один — за год, когда футляр впервые приняли на хранение.

Пока Никита сверял номера, Ася изучала строку за строкой. Между описаниями печатей и листов с условиями договора значилась коробка с частными бумагами. В графе примечаний карандашом было написано: «письмо, вложенное в футляр, не вскрывать без согласия обеих сторон».

Ася остановила палец на слове «обеих».

— Вот чего нет в копии, — сказала она.

Никита придвинулся, но не коснулся страницы.

— Письма?

— Упоминания о письме. В описи оно есть, в акте выдачи — нет.

— Значит, его могли оставить в футляре.

— Или изъять отдельно. Это разные версии.

Она сфотографировала запись с разрешения архивиста и попросила заверенную выписку. Марина Павловна прочитала строку, нахмурилась.

— Я об этом примечании не знала. Оно появилось раньше моей работы здесь.

— Тогда нам нужен журнал движения коробки, — сказала Ася. — И сведения, кто вносил карандашные отметки.

Заведующая ушла проверять старые регистрационные карточки. Никита остался у стола.

— Если письмо там, оно может объяснить договор.

— Может. Но пока оно объясняет только то, что кто-то счёл нужным запретить его вскрывать без двух согласий.

— А если одной стороны уже нет?

Ася посмотрела на него. В вопросе не было нажима, только понимание того, что за старой формулировкой могли стоять живые последствия.

— Тогда отсутствие второй стороны не превращает её прежнюю волю в разрешение, — сказала она.

Марина Павловна вернулась с тонкой папкой и листом, вложенным между картонными обложками.

— Карточка движения сохранилась. Коробку перемещали дважды. Второй раз — в день, когда Селёзнева получила футляр. Но есть отметка: «вложение оставлено на месте, по устному распоряжению заведующего».

— Кто был заведующим? — спросил Никита.

— Громов.

Ася не позволила себе обрадоваться. Это связывало его с распоряжением, но не доказывало, что он забрал письмо или заставил Селёзневу подписать заявку.

Она попросила внести карточку в акт, указав, что отметка сделана карандашом и авторство пока не установлено. Марина Павловна согласилась. Затем Ася отправила Вере копию выписки и коротко написала: «В описи упоминается письмо в футляре. Мы проверяем, где оно и кто распорядился оставить его без отдельной записи».

Ответ пришёл через несколько минут: «Я знала, что там было письмо. Громов говорил, что его уничтожили. Не верила ему».

Ася перечитала фразу. Вера не просила немедленно верить ей и не называла виновного. Она сообщила факт, который теперь можно было проверить.

За окном снег ослаб. В читальном зале стало слышно, как кто-то переворачивает страницы в дальнем ряду.

— Мы должны получить ответ Селёзневой, — сказала Ася. — И выяснить, где письмо.

— Да.

— Если оно у Громова, мы не идём к нему вдвоём и не пытаемся забрать его сами.

— Понимаю.

Никита произнёс это без тени обиды. Ася закрыла папку с выпиской и оставила ключ на столе, рядом с фотографией карточки. Пока он был просто ключом, не доказательством и не обещанием.

Но теперь у пропажи появились два точных следа: дата перемещения и запись о письме, которое по чьему-то распоряжению оставили в футляре.

Марина Павловна сняла очки и протёрла их краем шарфа.

— В журнале есть ещё одна запись, — сказала она. — Не о коробке. О посещении хранилища.

Она развернула папку к Асе. Между листами лежала узкая карточка с выцветшей синей полосой. На ней стояли дата, фамилия и короткая помета: «Осмотр футляра. По просьбе Громова». Подписи не было.

Ася не коснулась карточки.

— Когда?

— За три дня до перемещения коробки. Я сверила даты с журналом выдачи ключей. Громов приходил сам.

Никита наклонился к записи, но руки держал на коленях.

— Значит, он знал, что письмо внутри, — сказал он.

— Значит, он попросил осмотреть футляр, — уточнила Ася. — Это разные утверждения. Марина Павловна посмотрела на неё с усталой благодарностью.

— Вы всегда так говорите?

— Когда в документах не хватает половины фактов.

За окнами сгустился ранний зимний вечер. В стекле отразились настольная лампа и их трое: заведующая, которая не хотела отвечать за чужие решения; Никита, который, кажется, слишком хорошо понимал цену умолчания; и Ася с ладонями, сложенными на краю стола, чтобы не потянуться к карточке и не превратить её в свою находку.

— Можете оформить копию? — спросила она. — С указанием, что подписи нет, а основание посещения пока не установлено.

— Могу. Но журнал ключей у нас отдельный. Его надо запросить официально.

— Запросим.

Марина Павловна убрала карточку в прозрачный файл.

— Тогда подпишите, что ознакомились. Не согласились с содержанием — только ознакомились.

Ася прочла формулировку целиком, добавила от руки: «Копия получена. Подлинность и авторство пометы требуют отдельной проверки», поставила дату и подпись. Никита подписывать не стал: его фамилии в записи не было, а присутствие при чтении не давало ему права подтверждать чужой документ.

Когда они вышли из архива, снег снова пошёл крупными хлопьями. На крыльце Никита остановился, пропуская вперёд пожилую женщину с хозяйственной сумкой.

— Вера ответила? — спросил он.

Ася кивнула.

— Да, ещё в читальном зале. Громов говорил ей, что письмо уничтожили. Она ему не поверила.

— Ты хочешь ехать к ней?

— Сначала позвоню. Она уже сказала, что знала о письме. Теперь важно понять, откуда именно и что она сама видела. Не надо появляться у неё на пороге с предположениями.

Никита кивнул и отвернулся к улице. В его молчании Ася уловила не несогласие, а привычное ожидание: он оставлял ей возможность попросить о помощи, не назначая её заранее.

— Позвони, — сказала она. — Но не говори за меня.

— Хорошо.

Вера ответила не сразу. На заднем плане шумела вода, будто она мыла посуду.

— Я слушаю, — сказала она наконец.

— Мы нашли карточку осмотра футляра. Там указана просьба Громова, но нет подписи. Я не хочу делать выводы раньше времени. Вы помните, как узнали о письме?

В трубке звякнуло стекло.

— Громов говорил о нём при мне. Давно. Сказал, что письмо опаснее самого договора, потому что в нём есть имена людей, которые не давали согласия на использование своих семейных записей.

— Он говорил, что письмо уничтожено?

— Да. Позже. Я спросила, почему тогда он продолжает запрещать открывать футляр. Он ответил, что иногда уничтоженным нужно оставаться на бумаге.

Ася медленно выдохнула.

— Вы видели письмо?

— Нет. Я видела, как он держал его в руках.

— Где?

— В комнате при старом фонаре. Там раньше хранили описи и ключи. Он пришёл туда после заседания, когда я ещё работала в комиссии. Я не стала спрашивать, почему письмо у него. Тогда мне казалось, что если я вмешаюсь, он сделает хуже тем, кто уже зависел от договора.

— А сейчас?

— Сейчас я думаю, что он и без меня сделал хуже.

В голосе Веры не было слёз, только такая сухая усталость, что Ася представила её стоящей у раковины и не решающейся выключить воду.

— Мы можем записать ваши слова официально, если вы согласитесь, — сказала Ася. — Но не сегодня и не по телефону. Вы сами выберете, где и с кем. Я не буду передавать их без вашего разрешения.

— Я подумаю.

— Хорошо.

— Ася... Если в письме действительно есть имена, не отдавайте его комиссии.

— Пока мы даже не знаем, где оно.

— Поэтому и говорю.

Вера попрощалась первой. Ася убрала телефон. Никита не спросил, что она услышала.

— Громов держал письмо, — сказала она. — По словам Веры.

— Это подтверждает возможность, но не доказывает, что письмо у него сейчас.

— И не доказывает, что он забрал его из коробки. Он мог получить его раньше, а запись об осмотре могла относиться к чему-то другому.

— Ты веришь Вере?

— Я верю, что она помнит это так. Дальше проверяем.

Они дошли до остановки. Под навесом стояли двое студентов и мужчина в рабочей куртке; все молча следили, как автобус пробирается сквозь снег. Никита достал из кармана сложенный лист.

— Я не хотел показывать это до проверки карточки.

— Что это?

— Копия старого протокола. Я получил её несколько месяцев назад, когда пытался понять, почему имя моей семьи появляется в материалах о договоре. Там указано, что письмо передали хранителю городского собрания. Без даты возврата.

Ася развернула лист. Бумага была копией, заверенной архивной печатью; номер протокола совпадал с номером в выписке из фонда. В строке о получателе стояла фамилия Громова.

— Почему ты не сказал раньше?

Никита выдержал её взгляд.

— Потому что знал фамилию и боялся, что это ещё один след к моей ошибке. Я тогда подписал согласие на временное использование семейных записей, не проверив, что именно комиссия включила в приложение. Это не даёт мне права решать, что Вера должна вспомнить, но могло сделать её положение хуже.

Ася перечитала строку, затем вернула лист.

— Спасибо, что принёс. И спасибо, что сказал, почему молчал.

Автобус остановился у бордюра, распахнул двери. Никто из них не двинулся.

Теперь в их распоряжении была не догадка о чужой памяти, а документ: письмо передали Громову официально, и возврата в протоколе не отметили. Но до подтверждения они не могли назвать его вором, а до решения Веры — превращать её слова в улику. Ася сняла перчатку и записала номер протокола на полях блокнота.

— Завтра запросим оригинал, — сказала она. — А сегодня зафиксируем, кто что видел и откуда это известно.

Никита посмотрел на неё и коротко кивнул.

— Вместе?

— Рядом, — ответила Ася. — Решения каждый принимает сам.

Автобус уехал без них, оставив на остановке свежую полосу мокрого снега. Они направились к следующему, не торопясь и не обещая друг другу больше, чем могли выполнить.

Глава 2. Правило, которого не было

Утром в архиве пахло мокрой шерстью, пылью и крепким чаем. Ася сняла пальто, повесила его на спинку стула и разложила перед собой копию протокола передачи письма. Оригинал обещали выдать после регистрации запроса; пока оставалось работать с тем, что у них было: датами, подписями и пустой строкой там, где должен был стоять номер приложения.

Никита пришёл с папкой под мышкой. На пороге он задержался, словно собирался спросить разрешения, но передумал.

— Нашёл свидетеля, — сказал он. — Не по письму. По печатям.

Ася подняла взгляд.

— Кто?

— Павел Ильич Мельников. Раньше он обслуживал городской архивный сейф, где хранились семейные договоры. Сейчас живёт у дочери на Речной. Он готов поговорить, но просил не записывать его голос.

— Это его право, — сказала Ася. — Мы можем записать показания письменно и дать ему прочесть.

Никита положил папку на край стола, не открывая.

— Он утверждает, что осенью видел вторую печать на согласии Веры. Не ту, что в нашем протоколе.

— Утверждает или помнит?

— Именно это и надо выяснить.

Ася провела пальцем по строке с датой. В журнале передачи значилось: шестнадцатое октября. На копии согласия — четырнадцатое. Два дня между ними могли ничего не значить. Могли означать, что документ сначала подписали, потом изменили, а потом внесли в журнал задним числом. Пока это были только две даты и чья-то память.

— Почему ты не сказал об этом вчера?

— Я узнал поздно. Мельников позвонил мне после того, как увидел номер протокола в запросе. Он знал, что я участвовал в комиссии.

— И позвонил именно тебе.

Никита выдержал её взгляд.

— Да.

В его голосе не было оправдания, только усталое признание факта. Ася не стала помогать ему смягчить его.

— Тогда поедem к нему, — сказала она. — Но сначала ты покажешь папку.

Внутри лежала копия старого журнала дежурств, лист с отметкой о замене сургучной печати и короткое письмо, написанное на плотной серой бумаге. На полях кто-то карандашом вывел: «Не использовать без согласия всех сторон». Почерк был чужой, аккуратный.

— Это откуда?

— Из моих материалов комиссии. Лист не был приложен к делу, я нашёл его среди собственных бумаг. Я не знаю, почему он оказался у меня.

— Ты забрал его из архива?

— Нет. Получил вместе с копиями для заседания. Тогда счёл технической пометкой. Сейчас понимаю, что должен был проверить.

Ася изучила лист. Ни подписи, ни даты. На бумаге остался круглый след от чашки, а по краю шла тонкая синяя полоса — такая же, как на обложке журнала дежурств.

— Это не доказательство, — сказала она.

— Я знаю.

— Но это основание спросить, кто и когда сделал пометку. И основание объяснить, почему лист у тебя.

— Я объясню.

Она закрыла папку.

— Не мне. В протоколе.

Никита кивнул. В этом коротком движении было больше согласия, чем в длинном извинении: он не попросил оставить бумагу вне дела и не предложил сначала выяснить, насколько она ему повредит.

До Речной они добрались на трамвае. За окнами медленно проплывали серые фасады, лавки с запотевшими стёклами и сугробы, потемневшие у обочин. У дома Мельникова их встретила женщина лет пятидесяти, назвавшаяся Лидией Павловной. Она посмотрела на Асю, потом на Никиту.

— Отец сам согласился, — сказала она. — Но если разговор пойдёт о том, что он виноват в чужих бедах, я его остановлю.

— Вы можете остановить разговор в любой момент, — ответила Ася. — И он тоже.

Мельников сидел у окна в комнате, заставленной книгами и коробками с аккуратно подписанными ярлыками. На коленях у него лежало шерстяное одеяло. Он был худым, с узкими кистями рук; на правом большом пальце темнело старое пятно, похожее на след от чернил.

Он поздоровался с Асей и Никитой, но папку отодвинул от себя.

— Я не буду говорить, что Вера не понимала, на что соглашалась, — произнёс он. — Этого я не знаю. И не буду говорить, что её согласие подделали. Я видел печать. Остальное — не моё.

— Какую именно? — спросила Ася.

Мельников посмотрел на неё внимательнее, будто проверяя, не подталкивает ли она его к нужному ответу.

— Маленькую, с треснувшим ободком. Её держали отдельно от семейных. Она ставилась на копии, когда оригинал ещё не был принят. Так можно было отметить временный экземпляр, но нельзя было запускать по нему договор.

Никита чуть подался вперёд.

— На согласии Веры стояла именно она?

— На листе, который я видел, — да.

— Когда?

Мельников помолчал. Лидия Павловна поправила край одеяла на его коленях, но он остановил её движением пальцев.

— Пятнадцатого октября. Под вечер. Мне принесли свёрток из комиссии. Сказали сверить номер и занести на хранение. Я увидел лист с подписью Веры и эту печать. Сказал, что принимать не буду: нет подписи второго хранителя. Через день свёрток забрали. В журнале уже стоял другой номер.

Ася не записывала каждое слово, пока он говорил. Только после паузы уточнила:

— Кто принёс свёрток?

— Громов. Сам. Он тогда ещё не был председателем комиссии.

— Вы уверены в дате?

— В дне недели уверен. Это была среда. У меня в тот день внучка выступала в музыкальной школе. Я отпрашивался у заведующей и вернулся поздно. Число проверил по календарю, когда меня вызвали давать объяснение.

Он протянул руку к коробке на подоконнике. Лидия Павловна достала оттуда календарь с загнутым октябрьским листом. На полях возле пятнадцатого стояла отметка: «Катя, 18:30». Мельников попросил разрешения показать календарь и назвал его старым, личным свидетельством, которое не доказывает содержание свёртка, но подтверждает его присутствие на работе.

— Почему вы раньше не рассказали? — спросила Ася.

— Рассказал заведующей. Она сказала, что вопрос решён, а договор не вступил в силу. Потом мне дали справку о порядке выдачи семейных документов. Там было и о том, что согласие можно заменить заключением хранителя. Требовали расписаться, что я ознакомлен. Я отказался. Я им о печати, а они мне — вот порядок, распишитесь. В архиве тогда шла проверка, и я боялся потерять место. Потом меня перевели. Потом стало поздно.

Он не произнёс это как оправдание. Ася услышала в его голосе стыд, которому много лет не находилось полезного применения.

— Вы готовы повторить это письменно? — спросила она.

— Если текст будет точным. Не «Громов подделал». Я этого не видел.

Никита снял перчатки, положил их на колено и заговорил прежде, чем Ася успела ответить:

— Справка, которую от вас требовали, могла попасть в материалы комиссии. Я подписал согласие на временное использование семейных записей, не проверив приложение. Если из-за этого ваше предупреждение не сохранилось, я должен это указать.

Мельников перевёл взгляд на него.

— Вы и были в той комиссии?

— Да.

— Тогда у вас свой интерес.

— Есть, — сказал Никита. — Поэтому мои слова пойдут отдельно от ваших.

В комнате стало тихо. За окном дворник скреб лопатой лёд у подъезда. Лидия Павловна смотрела на Никиту с настороженностью, но не перебивала.

Ася записала дату, место и последовательность событий, затем прочла всё вслух. Мельников поправил «принёс документ» на «принёс запечатанный свёрток» и попросил указать, что печать он видел лишь на листе, который успел разглядеть до упаковки. Подпись он поставил медленно, проверяя каждую строку.

Когда они вышли на лестницу, Никита задержался у окна.

— Теперь ясно, зачем нужна была отметка «без согласия всех сторон», — сказал он. — Если оригинал приняли позже, временную печать могли выдать за действующую.

— Пока ясно только, что Мельников видел лист с подписью Веры и неправильной для договора печатью, отказался принимать свёрток, а через день его забрали. Это серьёзное противоречие, не готовый вывод.

— И его предупреждение могли убрать из дела из-за моей подписи.

— Могли. Но мы ещё не знаем, кто убрал и когда.

Ася спрятала копию показаний во внутренний карман папки. Независимое свидетельство меняло положение дела: теперь у них была не только разница в датах, но и человек, готовый назвать конкретную печать и конкретный день. Вместе с тем в материалах появлялся Никита — не как посторонний помощник, а как участник решения, последствия которого могли лишить Веру права самой определить, что считать своим согласием.

На улице он не предложил ей идти рядом. Ася сама выбрала место у бордюра, чтобы пропустить людей с санками, и только потом повернулась к нему.

— Сегодня запросим журнал регистрации и справку, которую от Мельникова требовали. Ты приложишь отдельное объяснение о своём согласии.

— Даже если оно ударит по мне?

— Особенно если ударит. Но решать, что это означает, будем после документов, не вместо них.

Никита опустил глаза на папку в её руках.

— Понял.

— Хорошо. Тогда не проси меня считать твою ошибку доказательством твоей честности.

Он не стал спорить. Трамвай звякнул на повороте, и они пошли к остановке, каждый со своей частью работы и с новым риском, который уже нельзя было оставить за пределами дела.

Трамвай довёз их до архивного корпуса, когда снег уже перестал идти, но небо всё ещё висело низко и серо. Внутри пахло мокрыми пальто, железом и бумагой. Ася сняла перчатки у входа и проверила папку: показания Мельникова лежали отдельно от копий старых договоров, а на листке с номером протокола расплылся уголок чернил.

— Сначала журнал, — сказала она. — Потом справка. Если начнём с объяснений, нам снова предложат обсуждать мотивы вместо дат.

Никита задержался у стойки регистрации.

— Я могу подать своё отдельно.

— Так и сделаем. Только сначала выясним, кто выдаёт копии и на каком основании.

В приёмной за стеклянной перегородкой сидела женщина в тёмно-зелёном жилете. Она выслушала Асю, посмотрела на номер дела и попросила письменный запрос. На словах «журнал регистрации» подняла глаза.

— Вы хотите весь журнал?

— Записи за нужный период, заверенную выписку и сведения о том, кто вносил изменения, — ответила Ася. — Если выдача копий ограничена, укажите основание отказа.

Женщина протянула бланк.

— Такое не делают за один день.

— Мы не просим сегодня заверить весь архив. Только принять запрос и зарегистрировать его.

Никита стоял в стороне, не вмешиваясь. Когда Ася заполнила бланк, он подал свой лист: объяснение о согласии, подписанном им для комиссии. Формулировки были сухие, но внизу он добавил от руки, что не проверил приложение и не может подтвердить, как именно комиссия использовала предоставленные материалы.

Женщина прочитала оба документа.

— По вашему объяснению нужен отдельный номер.

— Выдайте отдельный, — сказал Никита.

— Тогда оно не будет приобщено автоматически к делу.

— Значит, я сам подам копию в комиссию.

Ася не посмотрела на него, пока женщина не поставила штамп. Потом забрала свой экземпляр и сверила дату, номер и подпись.

— Хорошо, — сказала она. — Теперь это действительно отдельное объяснение.

— Я не хотел, чтобы ты отвечала за мою часть.

— Я и не отвечаю. Но если ты отдашь туда копию, оставь себе входящий номер. Иначе твоя честность останется только устным заявлением.

Он молча кивнул.

Пока они ждали, Ася заметила на стене выцветшую памятку: «Приём семейных документов производится по правилам комиссии». Ниже, мелким шрифтом, было указано, что правила утверждаются отдельным решением и хранятся в канцелярии. Ася попросила показать это решение. Женщина в жилете исчезла за дверью и вернулась с тонкой папкой.

— Вот, — сказала она, положив её на стойку. — Только читать здесь.

Ася надела перчатки и раскрыла папку. Решение комиссии занимало три страницы. Она нашла нужный раздел, провела пальцем по строкам и остановилась.

— Здесь нет правила о временной печати.

— Что именно вы ищете? — спросил Никита.

Ася показала ему абзац. Комиссия могла принять документ на хранение до проверки подлинности, но до проверки он не приобретал силы соглашения. Никакой процедуры, по которой временный знак заменял семейную печать, в решении не было.

— В протоколе написали «временная печать комиссии», — сказал Никита.

— Это не правило, а формулировка конкретной записи. У неё может быть другое основание. Но если его нет, название само по себе ничего не меняет.

Она переписала номер решения и попросила заверенную копию соответствующей страницы. Женщина нахмурилась, но отказать не смогла: документ был открытым для ознакомления, а запрос — зарегистрирован.

— Вы хотите доказать, что печать выдумали? — спросила она, пока делала копию.

— Я хочу установить, кто и когда применил её к этому документу, — ответила Ася. — Выводы будем делать после журнала.

В архивном помещении им разрешили посмотреть записи за нужную неделю. Сотрудник принёс толстую книгу в тканевом переплёте и положил на стол рядом с лампой. Ася сверила даты с протоколом, затем — с показаниями Мельникова.

Запись о принятии свёртка была. В графе «основание» стоял номер акта, которого не оказалось ни в книге актов, ни в приложениях к решению комиссии. Рядом с датой выдачи стояла отметка о временном хранении. Ниже, другой ручкой, значилось: «Передано Грому для сверки». Подписи получателя не было.

Никита наклонился к странице, но рук не протянул.

— Значит, свёрток приняли, а затем выдали без отметки о возврате.

— Это видно из журнала, — сказала Ася. — Но пока не видно, кто сделал запись о выдаче. Чернила другие, подпись отсутствует.

— И акт, на который сослались, не найден.

— Пока не найден в этих книгах.

Она попросила сотрудника зафиксировать номер страницы и сделать копию. Тот ответил, что сначала нужно разрешение начальника архива. Ася записала его имя и время обращения в свой блокнот, потом попросила письменное подтверждение, что копию пока не выдают.

— Вы думаете, я что-то скрываю? — спросил сотрудник.

— Нет. Я фиксирую порядок действий, чтобы потом никто не перепутал отказ с отсутствием документа.

Тот взглянул на неё внимательнее и ушёл за разрешением.

В коридоре Никита остановился у окна. На стекле дрожали отражения ламп, а за ними, внизу, дворник счищал снег с узкого прохода между корпусами.

— Я подписал бумагу, которая позволила им собрать семейные записи, — сказал он. — А теперь выясняется, что кто-то прикрылся выдуманным правилом и вынес документ из сейфа.

— Это разные утверждения. Твоё согласие могло облегчить доступ к материалам. Но журнал не доказывает, что именно твоя подпись дала кому-то право забрать свёрток.

— И всё равно без неё я не оказался бы в этой комиссии.

Ася закрыла блокнот.

— Ты отвечаешь за то, что подписал. Не за то, что другие сделали потом. Не снимай с себя ответственность, но и не бери чужую, чтобы тебе было проще.

Он посмотрел на неё, и в его лице мелькнула усталость, не похожая на просьбу о прощении.

— Понял.

Сотрудник вернулся с разрешением и заверил копию страницы. Ася проверила каждый штамп и расписалась в получении. Рядом лежал экземпляр правила комиссии — никаких временных печатей, только приём, проверка и хранение.

Когда они вышли на улицу, Ася убрала документы в папку так, чтобы копия журнала не соприкасалась с оригинальными показаниями Мельникова.

— Теперь у нас есть несоответствие в правилах и след выдачи без подписи, — сказала она. — Но нет человека, который внес запись, и нет ответа, что стало со свёртком.

— Мы не спросили Мельникова, кто принёс справку.

— Он говорил только, что отказался её подписать. О записи в журнале надо спрашивать отдельно.

Никита достал телефон.

— Я позвоню ему. Спрошу, готов ли он уточнить, кто показал ему справку.

— Сначала спроси, хочет ли он разговаривать. И не подсказывай ему имя.

Он убрал телефон, помедлил, затем набрал номер. Ася не стала слушать разговор и отошла к ступеням. Слышала только, как Никита назвал себя, объяснил, что они нашли в журнале, и спросил, согласен ли Мельников на короткую встречу.

Ответа она не разобрала.

Никита завершил звонок.

— Он согласен. Но не в архиве. Говорит, у него сохранилась копия той справки, которую от него требовали.

Ася крепче прижала папку к боку.

— Копия справки может показать, что именно у него просили. Но не кто её изъяс и не зачем.

— Он хочет встретиться сегодня.

— Тогда мы выслушаем его и зафиксируем происхождение копии. Ничего не будем обещать от имени Веры.

Никита уже открыл расписание автобусов, но не стал выбирать маршрут, пока Ася не сказала, в какую сторону им ехать. Она проверила адрес, который он записал, и нашла нужную остановку.

На этот раз они пошли к ней вместе — не потому, что одно дело давало им право решать за другого, а потому, что впереди был человек, готовый показать документ, который мог изменить смысл их находки.

Дом Мельникова находился в старой части Северограда, над мастерской по ремонту обуви. На двери подъезда висела табличка с фамилиями жильцов, выцветшая так, что некоторые буквы приходилось угадывать. Никита сверился с адресом и нажал кнопку домофона.

— Кто?

— Никита Северин. Мы договаривались. С Асей Лесиной.

После короткой паузы замок щёлкнул.

На лестнице пахло мокрой шерстью и клеем. Ася поднялась следом за Никитой, считая ступени скорее по привычке, чем от тревоги. У третьего этажа дверь уже была приоткрыта. Мельников, невысокий мужчина с седыми висками, придерживал её одной рукой, а другой держал раскрытый конверт.

— Проходите. Только недолго. Я не хочу, чтобы это выглядело, будто я теперь участвую в вашем расследовании.

— Вы вправе не участвовать, — сказала Ася. — Мы пришли только посмотреть копию и задать несколько вопросов. Если передумаете, остановимся.

Мельников посмотрел на неё внимательнее, будто ждал иной формулировки. Потом отступил в сторону.

Квартира была тесная, но аккуратная. На подоконнике стояли банки с пуговицами, на стене тикали часы с потемневшим циферблатом. Мельников не предложил им сесть, пока не убрал с кухонного стола газету и коробку с квитанциями. Конверт оставил перед собой.

— Вот справка, — сказал он. — Я сохранил копию, когда понял, что оригинал у меня забрали. Тогда я решил, что пригодится для отчёта. Не пригодилась. А потом стало ясно, что без неё я хотя бы смогу доказать, что мне показывали именно это.

Он достал лист, сложенный вдвое. Бумага пожелтела по сгибам, но текст читался. Ася попросила разрешения сфотографировать обе стороны. Мельников кивнул, однако сам не выпустил лист из пальцев.

— Снимайте. Только не уносите.

— Конечно.

Ася сделала снимки при нём и записала дату, место и обстоятельства получения копии. Никита стоял у окна, не приближаясь к столу. Его взгляд задержался на нижней части справки.

Там были перерисованные от руки печать и подпись — росчерк, которому словно намеренно не дали стать разборчивым. В тексте говорилось, что членам комиссии разрешено выдавать семейные документы для временного ознакомления «при наличии подтверждённого согласия всех затронутых лиц». Ниже стояло примечание: в случае невозможности получить согласие оно может быть заменено заключением хранителя о необходимости действий в интересах безопасности города.

Ася перечитала последнюю фразу.

— Вы раньше видели это правило?

— Нет. Мне сказали, что таков порядок. Показали справку и потребовали расписаться, что я получил её к сведению. Я не подписал. Попросил копию. Мне ответили, что экземпляр временный и выдать его не могут. Тогда я переписал текст от руки, пока он лежал на столе.

— А эта копия откуда?

Мельников повёл пальцем по сгибу.

— Позже я вернулся в канцелярию за своей рабочей папкой. Оригинал справки лежал в стопке на краю стола. Я переписал его целиком. Не взял. Мне хватило ума не делать этого.

Он произнёс последнее без гордости. Скорее как человек, который до сих пор сердился на себя за то, что тогда не настоял на регистрации обращения.

— Вы видели, кто принёс справку? — спросила Ася.

— Видел. Женщина. В тёмном пальто, с папкой под мышкой. Она разговаривала с Грозовым у окна, потом отдала ему лист. Я не слышал, о чём они говорили.

— Вы узнали её?

Мельников помедлил.

— Не сразу. А сегодня, когда вы позвонили, полез в старые рабочие записи. Там была фамилия. Елена Корнеева. Она тогда числилась помощницей хранителя семейного архива. Сейчас, кажется, уже не работает в комиссии.

Никита оторвался от окна.

— Вы уверены?

— В фамилии — да. В том, что это была именно она, — почти. Я не готов клясться лицом после стольких лет. Но она приносила бумаги не первый раз. На левом запястье у неё был ожог, широкий, старый. Я запомнил, потому что она держала папку этой рукой, хотя было видно, что ей больно.

Ася не стала записывать «почти» как уверенное опознание. Она внесла в блокнот формулировку Мельникова дословно, затем показала ему запись.

— Так точнее, — сказал он.

Никита посмотрел на копию, но не потянулся к ней.

— Вы помните дату?

— На самой справке не было даты. Это тоже показалось странным. В тот день в журнале выдачи стояло число, но я не помню какое. Я могу посмотреть в своём блокноте: тогда я записал, когда меня вызвали в канцелярию. Только не сегодня. Блокнот у дочери, она забрала его, когда разбирала мои бумаги.

Ася отметила это отдельно. Не доказательство даты, пока блокнот не проверен, но возможная независимая опора.

— Почему вам вообще дали эту справку? — спросил Никита.

Мельников сжал губы.

— Я отвечал за выдачу копий по семейным делам. Мне сказали найти материалы по старому соглашению Лесиных и Севериновых. Сказали, что город может оказаться под угрозой, если мы не установим, где хранится последняя запись. Я спросил, кто именно дал разрешение. Мне показали справку и сказали, что вопрос согласован.

На словах «Лесиных и Севериновых» Никита опустил глаза. Ася заметила, как он сжал ладонь, но ничего не сказала за него.

— Я тогда поверил, — продолжил Мельников. — Не всему, но достаточно, чтобы начать поиск. Если бы знал, что Вера не давала согласия на просмотр её части документов, я бы не стал. А потом мне сказали, что разговор с ней уже был и возражений не поступило. Это оказалось неправдой?

— Мы пока знаем только, что в документах, которые проверили, её согласия нет, — ответила Ася. — И что она сама не подтверждала такого разговора. Больше мы сейчас утверждать не можем.

Мельников кивнул, но лицо его стало жёстче.

— Значит, мной воспользовались, чтобы достать бумаги.

— Возможно, — сказала Ася. — Но эта копия не доказывает, кто составил справку и кто распорядился вынести свёрток. Она подтверждает, что вам предъявили текст, которого нет в официальных правилах комиссии. И что вас просили действовать, опираясь на него.

— А если я видел, как Громов принял справку?

— Это важно. Но само по себе не отвечает, знал ли он, что она поддельная.

Никита глубоко вдохнул. На его лице появилась знакомая Асе готовность взять всю тяжесть на себя, лишь бы не оставить её лежать на столе.

— Если бы я не подписал тогда разрешение на доступ к семейным записям...

— Мы не знаем, что именно оно открыло, — остановила его Ася. — И пока не видим, чтобы оно разрешало заменять чужое согласие заключением хранителя. Не смешивай документы только потому, что тебе страшно за последствия своей подписи.

Он помолчал и кивнул. На этот раз не коротко, а осмысленно.

Мельников убрал копию обратно в конверт.

— Можете записать, что я готов дать показания. Но не сегодня. Сначала хочу поговорить с дочерью. Она юрист, пусть объяснит, что от меня потребуется.

— Так и сделаем. Никто не будет оформлять ваши слова без вашего согласия.

На лестнице Никита задержался у окна между этажами. Снизу донёсся скрип двери мастерской, потом короткий звон колокольчика.

— Теперь у нас есть имя, — сказал он. — И правило, которое придумали под конкретное дело.

— Есть свидетель, который может опознать женщину не уверенно. Есть копия справки с неизвестным происхождением. И есть факт, что Мельникову предъявили её до того, как он начал искать записи.

— Но не доказательство, что Корнеева вынесла свёрток.

— Нет.

Ася достала телефон и открыла фотографии, проверила, что на каждой читается текст. За плечом Никиты виднелся тёмный пролёт лестницы, а в стекле отражались их лица — уставшие и сосредоточенные.

— Завтра я запрошу заверенную копию всех приложений к правилам комиссии и отдельно проверю, когда появилась эта формулировка, — сказала она. — А Мельников даст ответ после разговора с дочерью. Сегодня мы не превращаем его осторожность в согласие на большее.

Никита посмотрел на неё.

— А Корнеева?

— Её фамилия теперь основание задать вопрос. Не основание обвинять.

Он пропустил Асю вперёд. На площадке она остановилась, чтобы записать время встречи и уточнить у Мельникова, можно ли сохранить копию фотографий в закрытом деле. Получив разрешение, добавила к записи условие: без публикации и передачи третьим лицам до его отдельного согласия.

Улица встретила их сыростью и ранними сумерками. Бумага не разрешила загадку, зато изменила направление поисков: теперь за выдуманным правилом стоял человек, которого свидетель мог назвать. И чьё возможное участие требовало доказательств, а не удобной уверенности.

Наутро Ася пришла в комиссию раньше назначенного часа. В приёмной ещё не включили верхний свет; у окна горела настольная лампа, и её жёлтый круг лежал на стойке рядом с журналом посетителей. Ася записала фамилию, время и цель визита, попросила поставить отметку на её экземпляре запроса.

Сотрудница за стойкой сверила номер дела.

— Заверенные копии приложений сегодня не выдаём. Архивариус на выезде.

— Тогда зарегистрируйте запрос. Мне нужен ответ, когда формулировка о замене согласия заключением хранителя появилась в правилах комиссии.

— Это может потребовать отдельной проверки.

— Хорошо. Укажите срок и ответственное подразделение.

Сотрудница подняла глаза, будто ждала, что Ася добавит просьбу сделать исключение. Не дождалась. Штамп ударил по бумаге, оставив на ней дату и номер регистрации.

— Копию ответа направят по адресу, указанному в заявлении.

— И электронную версию, если это возможно.

— Укажите электронный адрес.

Ася вписала его и проверила, чтобы адрес не перекрывал подпись. В таких делах мелкая небрежность часто становилась удобным оправданием для большого молчания. Она убрала свой экземпляр в папку и попросила ознакомить её хотя бы с регистрационной карточкой правила. На это сотрудница согласилась не сразу, но в конце концов принесла тонкий подшитый журнал.

Карточка была датирована прошлой осенью. Сначала значилось короткое предложение: «В отсутствие личной отметки заявителя хранитель вправе приложить заключение о предполагаемой воле семьи». Ниже, более поздней рукой, к фразе добавили продолжение: «Заключение может быть принято как подтверждение согласия, если промедление создаёт риск утраты сведений».

— Кто внёс изменение? — спросила Ася.

— Секретарь комиссии. Подпись есть в деле.

— А основание?

— В карточке не указано. Возможно, протокол заседания.

«Возможно» Ася занесла в блокнот, не меняя его на «вероятно». Она попросила копию карточки. Сотрудница отказала: без разрешения председателя. Ася отметила и это — не как препятствие, а как следующий пункт запроса.

Никита ждал её у бокового входа, прислонившись к стене под выцветшей схемой эвакуации. Он принёс два бумажных стакана, но один держал так, что крышка уже потемнела от капель.

— Ты успел поговорить с Мельниковым?

— Его дочь попросила не звонить до обеда. Она хочет сначала прочитать документы, которые он подписывал.

— Правильно.

Никита передал ей стакан. Ася отпила: кофе был горький и успел остыть.

— В журнале появилась новая формулировка, — сказала она. — Не правило, которое всегда существовало, а поправка. Сначала хранителю разрешили приложить заключение. Потом заключение превратили в подтверждение согласия, если кто-то решит, что промедление опасно.

— Это два разных решения.

— Да. И для каждого должны быть основания. Сейчас у нас есть дата изменения, но нет протокола и нет автора заключения по делу.

Он посмотрел на журнал у неё под мышкой.

— Значит, правило придумали не только под конкретное дело.

— Пока мы знаем, что его изменили в прошлом году. Связь с делом надо установить отдельно.

— Но Мельникову показали справку раньше, чем он полез в записи. А Корнеева работала с документами комиссии.

— Это уже основания задать ей вопросы.

— Ты скажешь ей, что свидетель мог её узнать?

— Если он сам согласится на разговор и на передачу его слов. Мы не используем его осторожность так, будто это разрешение.

Никита опустил взгляд на стакан. Он не стал спорить; только провёл большим пальцем по бумажному шву, пока тот не смялся.

Они позвонили Мельникову из коридора, чтобы не говорить о его деле на улице. Он ответил после второго гудка.

— Дочь прочитала копии, — сказал он. — Она согласна присутствовать, когда я буду давать показания. Но не хочет, чтобы меня записывали на диктофон.

— Это ваше решение, — сказала Ася. — Можно вести письменную запись и дать вам её проверить. Ничего не подпишете, пока не убедитесь, что там переданы ваши слова.

— И без упоминания имени Корнеевой, пока я не уверен.

— Конечно.

— Есть ещё одно. Я нашёл дату встречи. Тогда я не записал её в календарь, но сохранился талон из мастерской, куда ходил после комиссии. На обороте карандашом отмечено время. Может, оно поможет.

Ася попросила его не стирать и не править запись, а положить талон в конверт и привезти вместе с дочерью. Мельников согласился.

После звонка они спустились к выходу. Снаружи моросил дождь; стеклянная дверь дробила улицу на серые полосы. Никита задержался у ступеней.

— Вчера я думал, что, если найду человека, который придумал эту формулировку, всё станет яснее.

— И стало?

— Стало больше того, что нужно доказать.

— Это не одно и то же, что ясность.

— Нет. Но теперь я хотя бы понимаю, где был неправ. Я всё время считал, что моё согласие на доступ объясняет всё, что произошло потом. Будто если вина моя, не придётся выяснять, кто и что сделал.

Ася не ответила сразу. Из-за мокрого стекла водитель автобуса поднял руку, показывая кому-то, что посадка закончена.

— Твоя подпись имеет значение, — сказала она. — Но она не делает тебя ответственным за решения, которых ты не принимал. И не снимает ответственности с тех, кто их принимал.

— Я знаю. Просто не всегда умею остановиться на этом.

— Тогда останавливайся не в одиночку.

Никита посмотрел на неё, но не стал превращать эти слова в обещание. Ася была благодарна ему за это. Она хотела, чтобы он оставался рядом, но не собиралась выдавать желание за договор.

У входа она открыла папку, сверила номер зарегистрированного запроса и вписала дату изменения правила в заметки. Теперь спор касался не одной спорной справки: у комиссии был документ, появившийся позже, и следовало установить, кто превратил заключение хранителя в замену чужому согласию. А талон Мельникова мог связать день предъявления справки с точным временем — не с воспоминанием, которое легко сдвинуть, а с предметом, хранившим случайную запись на обороте.

На следующий день Мельников пришёл в архивную комнату при комиссии вместе с дочерью. Он держал конверт обеими руками, будто боялся, что талон выпадет сквозь бумагу. Дочь, невысокая женщина в зелёном шарфе, остановилась у двери и оглядела стол, диктофон на полке и Асину папку.

— Записи не будет, — сказала Ася. — Я буду писать от руки, потом прочитаю вам вслух. Поправки внесём при вас.

— И если я передумаю, — добавил Мельников, — вы остановитесь.

— Да, — ответила Ася.

Он кивнул. Дочь осталась рядом, но не села. Никита придвинул к Мельникову стул и отступил, не пытаясь помочь без просьбы.

Показания заняли почти час. Мельников говорил медленно, то и дело проверяя слова на слух, словно боялся, что в них незаметно подменят смысл. В день заседания он пришёл в комиссию раньше назначенного времени. Справку о временном доступе к семейным записям предъявил секретарю у окна, а потом ждал в коридоре. Там он видел Громова — тот вышел из кабинета хранителя с папкой под мышкой и спросил, не оставлял ли Мельников у секретаря письмо.

— Я решил, что он говорит о моём заявлении, — объяснил Мельников. — Сказал, что оставлял. А он ответил: «Не это письмо». Тогда я не понял.

Ася записала фразу дословно и уточнила, видел ли Мельников, что было в папке. Нет. Слышал ли, как Громов называл имя Корнеевой? Нет. Узнал ли он письмо, когда позднее увидел его копию? Не уверен.

— Я не хочу, чтобы из меня сделали человека, который всё знал, — сказал он. — Я ничего не знал. Я только понял, что он искал какую-то бумагу.

— Так и запишем, — сказала Ася. — Вы видели папку и слышали вопрос о письме. Остальное — ваши предположения, и мы не будем выдавать их за факт.

Дочь села на край соседнего стула. Напряжение в её плечах немного ослабло.

Когда Ася закончила, она прочла записи вслух. Мельников остановил её на слове «искал».

— Я бы сказал «спрашивал». Это точнее.

Ася зачеркнула слово и внесла поправку. Мельников подписал каждую страницу, дочь поставила подпись рядом как присутствующая. Никита не подписывал ничего: он не был свидетелем той встречи и не должен был становиться им задним числом.

Талон из мастерской оказался узким, пожелтевшим прямоугольником. На лицевой стороне сохранились название мастерской и номер заказа. На обороте — карандашная запись: «Комиссия, 10:20». Мельников вспомнил, что мастерская находилась в двух кварталах от здания комиссии. Заказ он забрал после визита, а талон сунул в бумажник.

— Вы помните, кто писал время? — спросил Никита.

— Я. Уже там, когда ждал мастера. Хотел отметить, чтобы не забыть, когда вышел.

Ася положила талон в прозрачный файл, не прикасаясь к надписи. Они сверили время с расписанием заседания и журналом посетителей, который комиссия выдала в ответ на запрос. Мельников зарегистрировался в 9:47. До 10:20 он оставался в здании.

— Значит, когда Громов вышел из кабинета, вы уже были в коридоре, — сказала Ася.

— Да. Но сколько он там находился, я не знаю.

Журнал давал ещё одну зацепку: в 10:06 в кабинет хранителя входила Корнеева. Время выхода не было указано. Графа оставалась пустой, будто запись оборвали на середине. Ася сравнила почерк в строке с соседними отметками. Впускать посетителей дежурный; время входа и выхода он писал сам. Пропуск мог быть небрежностью, но теперь он совпадал с показаниями Мельникова не полностью.

— Громов мог выйти раньше, — сказал Никита. — Или позже. Талон этого не устанавливает.

— Зато он подтверждает, что Мельников был там, когда видел его, — ответила Ася. — А журнал показывает, что Корнеева тоже была в кабинете. Пока это две записи и одно наблюдение, не доказательство передачи письма.

Никита посмотрел на пустую графу.

— Если комиссия решит, что достаточно моей подписи и справки, они назовут всё это обычным применением правила.

— Тогда нужно выяснить, существовало ли правило на дату заседания.

— А если его не существовало?

— Значит, кто-то применил его раньше, чем оно появилось. Но сначала нам нужен оригинал документа и сведения о том, кто внёс запись в журнал.

Дочь Мельникова поднялась.

— Вы будете упоминать фамилию моего отца в запросе?

— Только как свидетеля, если он согласен. И текст мы покажем ему до отправки.

Мельников посмотрел на дочь, потом на Асю.

— Согласен. Но не пишите, что я видел письмо.

— Не напишем.

Когда они вышли, Никита остался у стола. Он долго смотрел на копию справки, которую принёс из своего архива, затем положил рядом с журналом посетителей.

— В приложении к моему согласию был тот же номер дела, — сказал он. — Я проверил утром. Но формулировка про замену согласия появилась в копии, которую мне дали через три недели.

Ася подняла глаза.

— Ты сохранил обе версии?

— Первую — да. Вторую я тогда не сверил. Подписал, что получил документы, и решил, что различий нет.

Он не оправдывался. Но в его голосе появилась та осторожность, с которой человек называет собственную ошибку, уже понимая её цену.

Ася записала номера листов и даты получения. Незаписанное правило стало не отвле- чённым подозрением, а расхождением между двумя версиями одного дела. И рядом с ним лежало согласие Никиты — настоящее, ограниченное, но использованное в бумагах, которых он никогда не видел.

Глава 3. Цена первой ошибки

На улице начинался мелкий снег. Он таял на стекле архива, оставляя короткие прозрач- ные дорожки, и Ася то и дело ловила в них отражение стола: раскрытый журнал, две версии справки, блокнот с номером протокола.

Никита убрал копии в папку, но не застегнул её.

— Ты сказал, что утром проверил номер дела, — произнесла Ася. — Где именно?

— В городском архиве. По старой описи, не по карточке. Там значится дело о семейных фонарях и соглашениях на временное хранение записей.

— А письмо?

— В описи не указано. Только «пакет вложений».

Ася постучала карандашом по пустой строке на копии протокола.

— Тогда запросим опись пакета. И журнал выдачи за тот день.

Никита не сразу ответил. Его ладонь лежала на незастегнутой папке, прижимая край справки.

— Если там будет моя подпись, это не значит, что я знал, что подписываю.

— Знаю.

— Но для них это может значить именно это.

Ася отвела взгляд к окну. За стеклом дворник счищал снег с крыльца, не переставая коситься на дверь архива. Внутри было тепло, но от недавней сырости у неё всё ещё мерзли пальцы.

— Для протокола будет значить то, что там написано, — сказала она. — Для остального нам понадобятся доказательства.

Телефон на столе коротко завибрировал. Ася проверила сообщение: из городского архива ответили, оригинал дела можно посмотреть после обеда, если запрос будет оформлен лично и с подтверждением родства или полномочий. Она уже потянулась к бланку, когда зазвонил стационарный аппарат.

Дежурная передала трубку ей.

— Лесина, архивный отдел.

— Это Мельников. Павел Ильич. — Голос у него был сухой, встревоженный. — Вы уже отправили запрос?

— Пока нет. Хотела согласовать с вами формулировку.

— Не отправляйте пока.

Ася положила ручку.

— Что-то изменилось?

На другом конце послышался скрип, будто Мельников придвинул к себе стул.

— Я вспомнил, где видел этот номер. Не в журнале обслуживания, а в книге сменных печатей. Она у меня дома, старые записи я не сдавал. Там есть отметка, кому передавали ком- плект.

Никита поднял глаза. Ася прикрыла ладонью микрофон.

— Он нашёл книгу, — сказала она.

— Вы можете приехать сегодня? — спросил Мельников. — Я не отдам её без расписки и копирования при мне. И... не хочу, чтобы фамилию дочери туда вписывали.

— Не будем. Пришлите фотографию страницы, если вам так спокойнее.

— Нет. Фотографию можно обрезать. Приезжайте.

Он назвал адрес на улице Садовой, в нескольких кварталах от архива, и повесил трубку прежде, чем Ася успела спросить, когда ему будет удобно.

Никита уже застёгивал пальто.

— Пойдём?

— Сначала я запишу разговор. Дата, время, что он сообщил, чего не сообщил. Потом позвоню и уточню, что мы не будем забирать книгу без согласия.

— Он сам пригласил.

— И сам имеет право передумать.

Она внесла запись в блокнот, позвонила Мельникову и повторила условия. Тот подтвердил, что согласен показать книгу и разрешает сделать копию страницы, если она останется у него. Ася записала и это.

Садовая оказалась тихой улицей между мастерскими и старым жилым кварталом. Дом Мельникова стоял в глубине двора; у подъезда пахло мокрой золой и варёной капустой. Павел Ильич встретил их в шерстяном жилете, с застёгнутым не на ту петлю верхним крючком.

— Обувь оставьте у двери, — сказал он. — Пол я только вымыл.

В комнате, где он принимал гостей, на столе уже лежала книга в сером переплёте. Рядом — линейка, лупа и чистые листы бумаги. Мельников заметил взгляд Аси.

— Я не собираюсь подменять страницы. Если думаете иначе, можете сразу уйти.

— Я думаю, что вы подготовились, — ответила она. — Это не одно и то же.

Он посмотрел на неё пристальнее, затем отодвинул стул.

— Вот запись. Дата — одиннадцатое ноября. Комплект семейной печати выдан заведующему хранилищем Громову. Основание — «временный доступ по соглашению с представителем семьи». Возврат отмечен через два дня.

Ася не стала наклоняться слишком близко. Она сверила дату с копией протокола и попросила Мельникова перевернуть лист, чтобы проверить, нет ли продолжения записи на обороте. Там стояли инициалы и номер комплекта. Печать выдали не Громову лично — по его распоряжению, архивному сотруднику. Возврат подтвердили те же инициалы.

— Вы это видели тогда? — спросил Никита.

— Я ставил подпись внизу страницы. Не читал основания. Смена шла, три печати принимал, четыре выдавал. Потом попросили подтвердить, что комплект вернули.

— И вы подтвердили?

— Я проверил номер на футляре.

Мельников провёл пальцем по краю стола, не касаясь книги.

— Вы сказали, что не видели письма, — заметила Ася.

— Не видел. Там был футляр, не конверт. Если письмо лежало внутри — мне никто не говорил.

Это не снимало с него ответственности за подпись, но меняло её пределы. Ася попросила разрешения переписать запись дословно. Мельников согласился, однако придвинул к себе книгу и сам следил за каждой строкой.

Когда она закончила, он расписался под копией и указал время. Никита поставил подпись как присутствующий, отдельно отметив, что не подтверждает содержания оригинала.

На последней строке Ася задержалась. «По соглашению с представителем семьи». Формулировка звучала убедительно и была ложной ровно настолько, насколько позволяли неоговорённые слова.

— В тот день согласие уже было? — спросила она.

— Я не знаю.

Никита взял копию своей старой справки и положил рядом с записью. Номер дела совпадал. Дата его согласия была позднее — на девять дней.

Мельников прочёл числа дважды.

— Значит, написали, что основание существовало заранее.

— Или назвали соглашением что-то другое, — сказала Ася. — Мы пока не знаем.

Никита смотрел на собственную подпись в справке. Он не отодвинул лист, но пальцы у него побелели.

— Моя подпись там всё равно есть, — сказал он. — Пусть поставлена позже, но её использовали.

Ася закрыла блокнот. Теперь у них было документальное подтверждение: печать действительно выдали по распоряжению Громова, а возврат отметили через два дня. Но предполагаемое основание опережало согласие Никиты. И запись могла превратить его ограниченное разрешение в такое, на которое он никогда не соглашался.

Мельников осторожно убрал книгу в ящик стола.

— Не пишите, что я видел письмо.

— Не напишем, — сказала Ася. — Запишем только то, что вы видели и подписали.

На обратном пути Никита шёл молча. У перекрёстка он остановился, пропуская грузовую машину, и вдруг спросил:

— Если выяснится, что моей подписи хватило, чтобы у Веры забрали право решать, что делать с письмом... ты сможешь считать это просто ошибкой в бумагах?

Ася дождалась, пока машина проедет.

— Нет. Но я не стану называть тебя виновным только потому, что кому-то было удобно прикрыться твоим именем.

Он кивнул, однако легче ему не стало. Теперь они знали, кому выдали комплект печатей и когда он вернулся. А между этими двумя датами кто-то придал отсутствующему согласию вид законного основания.

Никита не пошёл к остановке. Он свернул во двор архивного корпуса и остановился у бокового входа, где под козырьком висела табличка «Приём заявлений». Снег таял на его плечах, оставляя на тёмном пальто блестящие пятна.

— Мы можем запросить журнал выдачи, — сказал он. — Не копию справки. Сам журнал, с соседними записями и нумерацией листов.

— Можем. Но сегодня его уже не дадут.

— Тогда хотя бы зарегистрируем запрос.

Ася посмотрела на него. Он говорил ровно, но держал папку так крепко, что выгнулся картон.

— Зарегистрируем. Только сначала позвоним Вере.

Никита опустил глаза.

— Я не хочу втягивать её, пока у нас нет ничего, кроме моей подписи и чужой формулировки.

— Звонок — не втягивание. Решать, участвовать ли дальше, будет она.

В коридоре было душно и пахло мокрыми рукавами. Ася нашла в блокноте номер Веры, записанный после их предыдущего разговора. Никита отошёл к окну, оставив ей пространство, но не ушёл. Она набрала номер.

Вера ответила не сразу. На заднем плане звякнула чашка.

— Ася?

— Да. Мы только что говорили с Мельниковым. Он подтвердил, что получил и вернул футляр с печатями. Письма он не видел. В записи выдачу связали с соглашением от имени семьи, но дата этого соглашения не совпадает с датой согласия Никиты.

В трубке стало тихо.

— То есть его подпись всё-таки была там?

— В другой справке. Она подтверждает, что он разрешал использовать семейные записи в определённых пределах. Но не подтверждает, что он разрешал забирать письмо или распоряжаться им от твоего имени.

— А кто подтверждал это от моего имени?

— Пока неизвестно.

Вера не ответила сразу. Ася слышала, как та переставила чашку на стол.

— Мне нужно понимать, что вы собираетесь делать дальше.

— Запросить оригинал журнала выдачи и документы, на которые ссылались при оформлении. Без твоего заявления и без доступа к твоим словам как к доказательству.

— А если без моего согласия дело не сдвинется?

— Тогда скажем, что дело не сдвинулось. Мы не будем подменять твоё решение необходимостью.

Вера выдохнула — негромко, с усталостью.

— Я не хочу, чтобы моё молчание истолковали как согласие. Но и повторять всё сейчас не хочу. Я уже объясняла, что письмо моё и что я не разрешала никому передавать его Громову.

— Мы это запишем как твоё прежнее заявление, если ты согласна. Ничего нового от тебя не требуется.

— Согласна. Только не называйте меня свидетельницей, пока не покажете, что именно собираетесь отправить.

— Хорошо.

— И Никите передай... нет. Я сама ему скажу. Я не считаю, что он должен был догадаться обо всём. Но его подпись всё равно позволила им прикрыться.

Ася посмотрела на Никиту у окна. Он не мог слышать слов, но понял по её лицу, что разговор коснулся его.

— Я передам, — сказала она.

— Не надо. Я сказала, что сама.

Связь оборвалась. Ася убрала телефон и ещё несколько секунд смотрела на тёмный экран.

— Она не отказывается от своих слов, — сказала она. — Но не хочет повторять их и требует увидеть текст до отправки.

— Правильно требует.

— А тебе сказала сама скажет.

Никита кивнул, словно ожидал именно этого.

— Я не буду просить её облегчить мне жизнь.

В окне отражался коридор: Ася с блокнотом, Никита с папкой, между ними полоска белого света от заснеженного двора. Она открыла страницу с номерами документов и записала время звонка, содержание согласия Веры и ограничение на использование её слов. Никита продиктовал дату своей старой справки. Ася внесла её отдельно, не связывая с заявлением Веры.

Потом они прошли к окошку регистрации. Сотрудница за стеклом выслушала запрос, пробежала глазами по листу и вернула его.

— Тут надо указать, что именно вы просите: весь журнал или заверенную выписку.

— Весь журнал за конкретный период, включая соседние записи, — сказала Ася. — И приложения, на основании которых внесена отметка о соглашении с представителем семьи.

— Журнал служебный.

— Тогда просим предоставить заверенную копию относящихся к делу страниц либо письменный отказ с указанием основания.

Сотрудница посмотрела на неё поверх очков.

— Вы представляете Веру Лесину?

— Нет. Я подаю запрос на основании материалов, к которым имею законный доступ. Её согласия на представительство у меня нет.

Сотрудница задержала взгляд на слове «представительство», затем забрала лист.

— Ответ будет в установленный срок.

Ася попросила поставить входящий номер на её экземпляре. Пока сотрудница искала штамп, Никита молчал. Когда лист вернулся под стеклом с красной отметкой, он прочёл номер и сверил дату.

— Теперь хотя бы нельзя сказать, что мы просили не то, — произнёс он.

— И нельзя будет сказать, что Вера просила за неё решить.

Он не ответил. Ася сложила копию запроса в папку отдельно от справки Никиты. Бумаги не стали яснее; напротив, каждая теперь требовала собственного ответа. Но впервые за день следующий шаг был зарегистрирован не чужой формулировкой, а их точными словами.

Сотрудница за стеклом уже позвала следующего посетителя, когда Никита вдруг достал из папки тонкий серый конверт.

— Это не к запросу, — сказал он. — Я хотел сначала проверить сам.

Ася не протянула руку.

— Что внутри?

— Копия журнала приёма семейных документов. Нашёл в старом рабочем архиве отца. Он хранил её отдельно, не в деле.

— Копия чья?

— Не знаю. На первой странице нет отметки о заверении.

— Тогда это ориентир, а не доказательство.

— Поэтому и не положил к запросу.

Он раскрыл конверт. Бумага внутри была желтоватой, с выцветшими краями. На обороте стоял знакомый знак — круг, пересечённый тремя короткими линиями. Семейная печать Северных. Та самая, оттиск которой Мельников обещал сравнить с образцами.

Ася наклонилась, но не коснулась листа.

В журнале были перечислены номера дел, даты и фамилии. Почерк менялся от страницы к странице, однако запись за нужный месяц выделялась аккуратностью: «Дело 47-Б. Письмо, приложенное к семейному реестру. Принято на временное хранение до решения комиссии». Ниже стояла подпись, похожая на подпись Громова, и рядом — неразборчивая отметка карандашом.

— Здесь нет слова «передано», — сказала Ася.

— Нет.

— И нет номера приложения.

— Но дата совпадает.

Она достала телефон, сфотографировала страницу целиком, затем отдельно — подпись и отметку. Только после этого спросила:

— Откуда у твоего отца этот журнал?

— Из кабинета комиссии.

— Ты можешь подтвердить, что он не менялся после того, как попал к нему?

Никита отвёл взгляд к стеклу, за которым сотрудница перебирала бумаги.

— Могу подтвердить только, что нашёл его в коробке с документами комиссии. И что коробка стояла у него дома.

— Значит, пока мы не знаем, как он там оказался.

— Я понимаю.

— Это важно.

— Я понимаю, Ася.

Он произнёс её имя без раздражения, но усталость всё-таки прорвалась наружу. Не от неё — от множества бумажных следов, каждый из которых вёл к нему и его семье.

Ася закрыла конверт.

— Скажешь Мельникову?

— Да. Но сначала хочу убедиться, что он не узнает это от кого-то другого.

Они вышли из здания. Снег за ночь осел, обнажив у крыльца серые полосы песка. Город просыпался медленно: у газетного киоска спорили о сдаче, трамвай звенел на перекрёстке, из открытой двери булочной вытекал запах горячего теста. Обычная жизнь не имела отношения к их папкам, и от этого тревога казалась ещё острее.

Павел Ильич ждал в мастерской на улице Кузнечной. Помещение занимало первый этаж старого дома, где раньше чинили часы, а теперь обслуживали печати и штемпельные станки. На стенах висели деревянные рамки с образцами оттисков. Некоторые печати были размером с ладонь, другие умещались на ногте.

Мельников надел очки, когда Никита разложил перед ним фотографии.

— Этот журнал вы видели? — спросила Ася.

— Не этот экземпляр.

— А запись?

Старик долго всматривался в экран. Потом снял очки и протёр их краем платка.

— Запись видел.

Никита застыл.

— Где?

— В комиссии. В тот день, когда принимали письмо.

— Вы были там?

— Я обслуживал печать. Это не значит, что присутствовал на заседании.

— Но запись видели.

Мельников положил очки на стол.

— Меня попросили поставить дополнительный оттиск на конверте. Не на письмо. На внутренний лист.

— Кто попросил?

— Ваш отец.

Никита не задал следующий вопрос. Его лицо стало неподвижным, только пальцы медленно сжались на краю стола.

Ася говорила ровно:

— Для чего нужен был дополнительный оттиск?

— Он сказал, что документ нельзя выпускать без подтверждения происхождения. Я спросил, почему не хватает обычной регистрации. Он ответил, что письмо связано с семейным обязательством и может вызвать спор о праве доступа.

— Он назвал фамилию Веры?

— Нет. Назвал вашу фамилию.

Ася почувствовала, как холод от входной двери пробрался под воротник.

— Мою?

— Сказал: «Лесина должна получить копию, но только после проверки». Я решил, что речь о вас. Вы тогда уже работали с документами?

— Нет. Я даже не знала о деле.

— Значит, он говорил не обо мне, — сказал Никита.

Мельников посмотрел на него с сожалением.

— Возможно.

Ася открыла блокнот.

— Вы помните, что именно поставили?

— Два оттиска. Один на конверте, один на листе регистрации.

— А в журнале указано только временное хранение.

— Потому что письмо не вернули в тот же день.

— Кому его передали?

— Конверт забрал Громов. Что было внутри, я не видел.

— Тогда почему вы говорили, что не видели письмо?

Мельников потёр ладонью подбородок.

— Я не видел его содержания. Конверт видел. Внутренний лист — краем, когда ставил печать. Если вы называете это письмом, я не хотел, чтобы мои слова использовали как доказательство того, чего я не знаю.

Ася записала уточнение и повернула блокнот к нему.

— Так правильно?

Он прочёл, кивнул и поставил подпись.

Никита всё это время молчал. Когда Мельников убрал ручку, он спросил:

— Отец был один?

— Нет.

— Кто ещё?

Старик поднял глаза.

— Громов.

В мастерской стало слышно, как за стеной работает станок. Металл ударял о металл с ровным, почти спокойным интервалом.

— Вы уверены? — спросил Никита.

— В Громе я уверен. Он принёс папку и ждал, пока ваш отец закончит разговор. Потом забрал конверт.

— Он забрал письмо после печати?

— Да.

— Сам?

— Сам.

Никита отступил на шаг. На его лице не было удивления, только быстрое, болезненное понимание.

— Тогда версия о том, что Громов получил письмо случайно вместе с другими материалами, неверна, — сказала Ася. — Он присутствовал при оформлении и забрал конверт после дополнительной печати.

— Это ещё не доказывает, что он присвоил его, — тихо ответил Никита.

— Нет. Но доказывает, что передача была сознательной.

Мельников достал из ящика старую лупу.

— Есть ещё кое-что.

Он подошёл к шкафу, снял с верхней полки небольшую коробку и вынул из неё лист бумаги.

— Я сохранил пробный оттиск. На случай, если печать повредится.

На листе был круг с тремя линиями. Одна из них у основания расплывалась в короткое пятно. Ася наклонилась над бумагой, но трогать её не стала.

— Это оттиск с того дня?

— На обороте есть дата.

Она перевернула лист и открыла на телефоне фотографию страницы журнала. Даты совпали.

— Проба сделана в день записи, — сказала Ася.

Никита прикрыл глаза.

— Значит, письмо действительно приняли и запечатали.

— О печати на конверте мы знаем со слов Павла Ильича. Здесь только пробный оттиск и дата. С самим конвертом сравнить пока нечего.

— Но Громову его передали?

Ася посмотрела на Мельникова.

— Да, — сказал он. — Я видел, как он забрал конверт.

У двери Мельников остановил их.

— Не пишите, что мой отец был соучастником, — сказал Никита, не оборачиваясь.

Ася посмотрела на него.

— Я не буду писать то, чего не подтверждают документы.

— Но он участвовал.

— Он попросил Мельникова поставить дополнительный оттиск. Это подтверждено. Зачем он об этом попросил и понимал ли последствия — пока нет.

— Для меня этого достаточно.

— Для обвинения — нет.

Он резко повернулся.

— Ты всё время отделяешь одно от другого.

— Потому что иначе чужая вина станет удобной заменой доказательствам.

— А если доказательства приведут к нему?

— Тогда мы назовём это его ответственностью. Не твоей.

Никита усмехнулся, но без веселья.

— Удобно.

— Нет. Тяжело. Особенно когда человек, которого ты защищаешь, уже не может объясниться.

Мельников замер у станка, делая вид, что проверяет рычаг. Никита опустил глаза.

— Я не защищаю его, — сказал он. — Я пытаюсь понять, сколько из этого я позволил сделать своим именем.

Ася не стала отвечать сразу. Она убрала фотографию в отдельную папку и подписала: «Сведения Мельникова. Подтверждённый пробный оттиск. Не считать признанием передачи содержания».

— Сегодня подтверждён один факт, — сказала она. — Письмо не исчезло само и не попало к Громову по ошибке. Его передали после оформления.

— А второй факт?

— Второй мы пока не знаем: кто распорядился использовать твоё согласие как основание для этой передачи.

Никита кивнул, но не двинулся к двери.

— Вера должна узнать, — сказал он.

— Да.

— Я сам ей скажу.

— Она просила сама сказать тебе о подписи. Не значит, что готова выслушать всё сразу.

— Я не стану заставлять.

Ася посмотрела на его руку, лежавшую поверх папки. Под пальцами белел край старой справки — той самой, чья подпись теперь связывала его с чужим решением.

— Тогда сначала отправим ей точную запись показаний, — сказала Ася. — Без выводов. Пусть решит, хочет ли она разговаривать.

Никита поднял голову.

— А если не захочет?

— Это тоже будет её решение.

Они вышли на Кузнечную. У тротуара стояла телега с ящиками, между домами тянулся дым от котельной. Никита шёл рядом, но впервые за утро не пытался держать шаг с Асей. Через несколько метров он остановился.

— Я думал, первая ошибка была моей, — сказал он.

— Она твоей и остаётся.

Он болезненно кивнул.

— Но теперь ясно, что ею воспользовались.

Ася закрыла папку и прижала её к боку.

— Значит, отвечать придётся и за ошибку, и за то, что сделали с её помощью.

Никита посмотрел на неё, затем достал телефон.

— Я позвоню Вере после того, как ты подготовишь запись.

— После того, как она её прочтёт.

— Да.

Они продолжили путь к архиву, не приближаясь друг к другу больше, чем позволяла узкая улица. За спиной осталась мастерская, где старый оттиск впервые превратил семейную историю в проверяемое обстоятельство, а перед ними лежали документы, в которых подпись Никиты уже не могла считаться случайной тенью.

В архиве Ася сразу занялась записью показаний Мельникова. Она печатала медленно, сверяясь с блокнотом: не сглаживала его оговорки, не заменяла «мне показалось» на «я видел», не превращала пробный оттиск в доказательство передачи письма.

Никита сидел напротив и молчал. Папка с двумя версиями его согласия лежала перед ним раскрытой. На первой странице была его подпись, на второй — та же дата, но другая формулировка: «разрешаю использование семейных записей при проверке обстоятельств передачи». В подписанном им экземпляре речь шла только о временном доступе к описи.

Ася закончила абзац и повернула к нему экран.

— Проверь, пожалуйста, что это точно твои слова.

Он прочитал и указал на последнюю строку:

— Здесь написано «после установки печати». Я сказал: «после того, как мне показали оттиск». Это не одно и то же.

Ася исправила.

— Верно. Спасибо.

Никита провёл ладонью по лицу.

— У меня есть ещё один документ. Не знаю, поможет ли.

Он вынул из папки лист, сложенный вчетверо. Бумага была тоньше архивной, с отметкой канцелярии на сгибе.

— Это пришло вместе со второй копией согласия, — сказал он. — Я тогда решил, что простая квитанция о выдаче.

Ася осторожно расправила лист. Вверху стоял номер дела, ниже — дата и перечень бумаг, выданных Никите. Квитанция подтверждала получение согласия и справки. Но внизу, под его подписью, был добавлен ещё один пункт: «Приложение с отметкой о допустимости передачи заверенной выписки в комиссию». Почерк отличался от основного текста. Чернила на этой строке были темнее и не расплылись по волокнам так, как остальные.

— Ты видел эту строку, когда подписывал? — спросила Ася.

Никита взглянул на лист.

— Нет. Здесь её не было.

— Ты уверен?

Он задержал взгляд на собственной подписи.

— Я помню, что расписался в получении двух листов. Не трёх. И номер на этой квитанции мне знаком: его поставили уже после того, как бумаги вернули в канцелярию.

Ася не сделала записи сразу. Она положила документ рядом с обеими версиями согласия, сравнила номера и попросила Никиту назвать, когда именно он получил каждую копию. Он ответил без колебаний: первую — в день подписания, вторую — через три недели, по запросу. Квитанцию ему отдали тогда же, вместе со второй.

— Значит, это подтверждает, что строка появилась позднее, — сказала Ася. — Но не объясняет, кто её добавил и на каком основании.

— И не доказывает, что я не согласился?

— Нет. Она доказывает, что в документе о твоём согласии есть поздняя запись. Это важное различие.

Никита опустил взгляд на подпись.

— Я всё равно подписал.

— Да. И мы не будем убирать этот факт. Но подпись под одним текстом не превращает в твоё решение текст, которого ты не видел.

В комнате было тихо; за стеной кто-то передвигал картотечный ящик, и металлические направляющие сухо скрежетнули. Ася внесла в рабочую таблицу новый документ, присвоила ему номер и указала, кто его передал. Затем сняла копию, а оригинал вложила в прозрачный файл. Никаких выводов на обложке не написала.

Никита посмотрел на телефон.

— Запись для Веры готова?

— Почти. Я добавлю сведения о квитанции. Потом отправим ей оба документа и короткое объяснение, что именно они подтверждают.

— А если она спросит, почему я не заметил?

— Ты ответишь сам.

Он принял это без возражений, хотя его плечи на мгновение напряглись.

Ася допечатала текст, перечитала вслух только ту часть, где перечислялись источники. Ни в одной фразе не было слова «подделка». Пока это оставалось возможным объяснением, но не установленным фактом. С другой стороны, новая строка не могла быть случайной опiskой: она меняла смысл согласия и позволяла оформить передачу выписки так, будто Никита заранее одобрил её.

— Вот, — сказала Ася и отправила файл Вере.

Ответа не было. Они ждали, не звоня и не посылая второе сообщение. Через несколько минут телефон Никиты завибрировал. Он прочитал пришедшее, но не стал говорить сразу.

— Она написала, что получила. И что сегодня не готова обсуждать это со мной.

Ася кивнула.

— Тогда не обсуждай.

Он убрал телефон в карман.

— Она ещё спросила, есть ли среди документов что-нибудь, что доказывает, что письмо передали не ей.

— Пока нет. Мы знаем, что его передали Громову после оформления. Не знаем, кто дал распоряжение. И не знаем, что именно ей сообщали в тот день.

— Я отвечу так и напишу.

— Напиши. Без того, чтобы убеждать её.

Никита открыл сообщение и набрал несколько строк. Потом повернул экран к Асе. Там было только: «Нет, пока такого документа у нас нет. Я не буду додумывать за тебя. Если хочешь поговорить, я отвечу на вопросы». Ася прочитала и отодвинула папку, освобождая ему место для подписи под записью показаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.